

**СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО:
МИФ, ЯЗЫК, ПОЭТИКА**

УДК 81.1

DOI:

МИФ И ЯЗЫК В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАРОДА

Маслова Валентина Авраамовна

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
(г. Витебск, Республика Беларусь)

Аннотация

В статье рассматривается миф сквозь призму языка и национальной культуры. Под мифом мы понимаем форму древней культуры, способ постижения мира, обобщенный опыт народа, явленный в системе образов языка, который мы рассматриваем язык как путь для проникновения в мифологические воззрения русских. Материалом послужили русские фразеологические единицы (ФЕ), содержащие в своей основе миф. Цель – выявление того, как мифологические знания проявляют себя в современном значении фразеологической единицы, которые являются ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа.

Ключевые слова: миф; культура; язык; фразеологизм; образ

MYTH AND LANGUAGE IN THE CULTURAL SPACE OF THE PEOPLE

Maslova Valentina Avraamovna

Educational Establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"
(Vitebsk, Republic of Belarus)

Abstract

The article examines the myth through the prism of language and national culture. By myth we mean the form of ancient culture, the way of comprehending the world, the generalized experience of the people, manifested in the system of images of the language, which we consider language as a way to penetrate the mythological views of the Russians. The material is Russian phraseological units (FE), which contain a myth at their core. The purpose is to identify how mythological knowledge manifests itself in the modern meaning of the phraseological unit, which are the most valuable source of information about the culture and mentality of the people.

Keywords: myth; culture; language; phraseology; image

Введение

Мифы (греч. – “повествование, басня, предание”) – это такие создания коллективной памяти, в которых мир предстает в виде конкретно-чувственных вымышленных существ и событий, но которые мыслятся первобытным сознанием как вполне реальные. Миф – это след того, о чем думал, во что верил, и что чувствовал древний человек. С помощью мифа древний человек многое объяснял сам себе в природе и, таким образом, создал свою картину мира и определил свое место в ней.

Если раньше считалось, что в мифе ничего нет, кроме выдуманного, нереального, фантастического, то теперь ученые думают по-иному: «Предрассудки

и приметы не ложь и дикость, а обломки другой правды, восходящей к другому типу культуры», – сказал Ю.М. Лотман [Лотман 1987: 10], и это действительно так. Миф – это такое творчество, при котором фантазия принималась за реальность. Мы полагаем, что без познания мифов невозможно понять прошлое, оценить настоящее, заглянуть в будущее.

Под мифом мы понимаем форму древней культуры, способ постижения мира, обобщенный опыт народа, явленный в системе образов языка [Маслова 1997]. По мнению В.Н. Топорова, ритуал и миф – «первые шаги человеческой культуры» [Топоров 1990: 44].

Мифология оказала огромное влияние на всю русскую культуру. Так, на сюжеты, взятые из славянской мифологии, писали выдающиеся русские художники: Н. Рерих (цикл «Начало Руси. Славяне»), В. Васнецов («Древние люди», «Три богатыря», «Гамаюн – птица вещая», «Кощей Бессмертный» и др.), Врубель («Пан», «Царевна-Лебедь»), И. Билибин (картины на темы сказок и былин); композиторы Лядов («Кикимора»), Даргомыжский («Русалка»), Стравинский (музыка к балету «Картины языческой Руси»), Мусоргский («Баба-Яга», «Богатырские ворота»), Аренский («Фантазии на темы Рябинина»), Римский-Корсаков («Снегурочка») и др.; писатели и поэты: А. Островский («Снегурочка»), А. Пушкин («Бесы»), Н. Гоголь («Вечера на хуторе близ Диканьки»), А. Фет, И. Бунин, С. Городецкий и др.

Мифологические персонажи неоднократно упоминались в баснях И.А. Крылова, стихотворениях Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева и др. Мифологические сюжеты сыграли большую роль в становлении литературных сюжетов, из мифов выросли сказки о животных и волшебные сказки с их фантастикой.

В современной астрономии названия многих планет, звезд и целых созвездий взяты из мифологии: Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун, Марс, Венера, Плутон, Меркурий, созвездия Персея, Ориона и др.

Сегодня наука накопила много фактов, говорящих о мифологичности фольклора, литературы, культуры, искусства. Отзвуки мифов мы слышим до сих пор во фразеологизмах и метафорах, пословицах и поговорках.

Литературный обзор

Изучением мифов занимается целый ряд наук: литературоведение и философия, фольклористика и этнография, антропология и культурология, лингвистика и психология. Над проблемой мифа ломают голову ученые уже 200 лет. Но чем дальше развивается цивилизация, тем больше интересуются ученые мифом. Во-первых, они пытаются объяснить природу мифа, которые толкуются то как аллегории и иносказания (Боккаччо, Бэкон), то как отражения исторических событий (Геродот). Известный английский философ Э. Кассирер полагает, что миф является сознанию, как полностью объективная реальность: в мифе образ не изображает вещь, он сам есть вещь. Ученый настаивает на аналогии мифа и языка. Сходную позицию занимал русский ученый М.И. Стеблин-Каменский, который писал, что миф – это не просто образы, возникшие в сознании отдельного индивида, а образы, закрепленные в слове и ставшие достоянием целого коллектива [Стеблин-Каменский 1976: 87]. Дж. Фрезэр, известный английский этнограф, исследователь мифа утверждал, что мифы – это примитивная наука, что их основная функция – объяснять обряды. Английский этнограф Б. Малиновский считал, что миф – это важная социальная сила, потому что он (миф) обосновывает

устройство общества, его законы, моральные ценности. Солидарен с ним и Е.М. Мелетинский [Мелетинский 1976]. А.Ф. Лосев писал, что «миф всегда и обязательно есть реальность... Он не выдумка...» [Лосев 2008: 164] и т.д.

Таким образом, природа мифа до сих пор не до конца ясна, здесь есть еще много спорного, хотя существует целые современные теории мифа – русского философа А.Ф. Лосева, немецкого – К. Хюбнера и др. Широко известна структурная теория мифа, разработанная французским этнографом Клодом Леви-Строссом, который, анализируя миф, ищет в нем случаи симметрии и противопоставлений (оппозиций). Миф разлагается на элементы, из которых выбираются такие, которые можно истолковывать как противоположности. К сегодняшнему дню существует не только большое количество работ по теории мира, но слова и энциклопедии мифов: двухтомная энциклопедия «Мифы народов мира» (Москва, 1980–1982), в которой даются описания отдельных мифов и мифологем всех народов мира. Есть и другие собрания мифов: 1. Мифологический словарь. Москва, 1991; 2. Мифы древних славян. Саратов, 1993; 3. Словарь славянской мифологии. Н.Новгород, 1995 и др.

Язык в исследовании мифологии должен стоять на первом месте. А.А. Потебня утверждал, что мифология неизбежна: «Немыслимо, как можно предполагать когда-либо существование мифа помимо слова» [Потебня 1990: 312]. Поэтому языковой материал является наиболее весомой, часто самодовлеющей информацией о мифе (А. Брюкнер, В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Н.И. Толстой, В.М. Мокиенко, М.М. Маковский и др.).

Методы

Для анализа использовались как традиционные методы – компонентный анализ фразеологического значения, методы системного анализа языковых явлений, так и новые – современные дескриптивные методы системного анализа языковых явлений, различные когнитивные и лингвокультурологические методики анализа языка.

Результаты и обсуждение

Современный человек живет в *большей* мере в мире слов, чем в мире предметов и вещей: огромная доля информации поступает к человеку через слово, и успех человека в обществе зависит от того, насколько хорошо он владеет словом, причем не столько даже в плане культуры речи, сколько в умении почувствовать малейшие нюансы семантики слова. Философы говорят, что, досконально понимая слово, которое называет какой-либо предмет, явление, можно легче овладеть не только данным предметом, но и внешним миром вообще. Но осознал это человек лишь во второй половине прошлого. Он, наконец, понял, что вся информация о мире приходит по лингвистическом каналу, т.е. через язык, который связан с сознанием человека и культурой. Язык фиксирует мифы, обычаи, нравы народов, говорящих на данном языке, консервирует их в своих метафорах, фразеологизмах, текстах, подтекстах и других единицах. Именно язык овеществляет ментальные, в том числе мифологические представления народа, заключая их в материальную оболочку. Существует даже гипотеза о мифологическом происхождении языка [Лобок 1997: 164]. Эта гипотеза способна объяснить феномен фантастической сложности и глубины семантики языка с ее культурно-избыточными смыслами, которые лишь затрудняют общение. Мифологическая гипотеза позволяет объяснить сам феномен языкового многообразия: язык для носителей разных

культур есть средство отделения своего культурного мира от чужого, средство замыкания культуры в себе, делания ее непроницаемой для других народов.

Не вдаваясь в обсуждение данной гипотезы, уточним, что мы рассматриваем язык как путь, по которому можно проникнуть в мифологические воззрения восточных славян на мир, природу, общество и самих себя.

Глубинный анализ семантики языковых фактов с учетом мифологии – важная и актуальная задача современной лингвистики. **Цель** данной статьи – выявление целых комплексов культурных традиций, закрепленных в языке, анализ того, как мифологические знания проявляют себя в современном значении фразеологической единицы.

Наша статья развивает идею свертывания мифа в мифологему, в которой можно увидеть и расшифровать не только этнокультурную информацию, но и глубинные механизмы сохранения коллективного бессознательного. Теоретической основой такого подхода является взгляд на ФЕ как на один из способов функционирования мифологических знаний. Для этого мы подвергаем анализу семантику ФЕ, сформировавшихся на основе представлений древних славян, пытаемся выявить механизмы, с помощью которых можно реконструировать характер мотивированности значений фразеологических единиц, обусловленных этнокультурной действительностью. В статье содержится попытка понять, умер ли миф с переходом человека к другим, современным формам мышления. Если он жив, то непременно должен храниться в языке, который аккумулирует в себе, закрепляет в своих знаках все проявления человеческого духа. Этим и объясняется наше внимание к языку, к его фразеологическим единицам, которые, по словам академика В.В. Виноградова, являются «душой» любого языка.

Итак, миф – это особое состояние сознания, специфическая мыслительная область, в которой объект предстает как важный образ культуры. Он есть «факт сознания» [Ставицкий 2021]. Есть большая группа ФЕ, тесно связанных с мифами, правильное понимание которых требует от носителя языка знания определенного мифа: *сизифов труд, ариаднина нить, гераклитов огонь, каинова печать* и др. Употребление этих мифов обусловлено конкретным знанием. А есть такие фразеологизмы, миф в которых завуалирован, спрятан. Так, *Родина* – это *мать, родная земля*, ее нельзя заменить другой мифологемой (мифологема – ядро мифа, его картинка) – Матерью Сырой Землей. Представление о земле менялось на протяжении веков. В сознании древних славян *земля* – живое существо, травы и лес – ее волосы, скалы и камни – ее кости, реки и моря – ее кровь, а суша – тело. С одной стороны, *ЗЕМЛЯ* – символ смерти, этим объясняются фразеологизмы *уйти в землю, отдать земле, кормить землю, стереть с лица земли, сквозь землю провалиться, предавать земле, сровнять с землей, ложиться в землю* (ср. также обряд славян – горсть земли на могилу). Отправляясь в чужую сторону, на войну и русские и белорусы брали с собой щепотку родной земли на тот случай, если придется умереть вдали. Есть поверье, что великих грешников земля не принимает, с ним связаны фразеологизмы, обращенные к покойнику – *земля пухом*, фразеологизмы-проклятия – *чтоб земля не носила, земля – колом* и др. [Маслова 1997].

Ограничим рассмотрение проблемы одной только областью – **Поведение человека в зеркале мифологии и языка.**

Поведение человека вариативно и многообразно, с одной стороны, и стереотипно, с другой. Это результат действия двух противоположных тенденций в обществе, в культуре – центробежной и центростремительной (Ю.М. Лотман). Первая тенденция проявляется в разнообразии поведения, росте его вариативности. Вторая тенденция направлена на упорядочение вариантов, на их типизацию, выработку стандартов поведения. Формы поведения – ритуал, обычай, толока, посиделки и другие, есть еще бытовое поведение, официальное поведение и т.д. Именно стереотипное, ритуальное поведение, имеющее основой мифологию, находит отражение во фразеологизмах.

Например, чрезмерная опека отрицательно оценивается восточными славянами, поэтому фразеологизмы *носить на руках* (как если бы это был младенец), *гладить по головке* (обычай поглаживать не заросший родничок у ребенка, как бы создавая рукой защитное поле), *сдувать пушинки* (как если бы человек сам был беспомощным и неспособным сделать даже такую малость), *души не чаять* (архетипическое представление о душе как о ребенке) имеют имплицитную неодобрительную коннотацию.

До сих пор бытует у славян представление о чихании как о мистическом знаке (чихание как бы «подтверждает» сказанное). Как и все мистическое оно амбивалентно (и добрый и дурной знак одновременно). Божественная природа чихания отмечена еще Аристотелем, потом об этом писал Э.Б. Тайлор [Тайлор 1989: 183]. При чихании используются противоположные по смыслу выражения-обереги: *спичка в нос* (недоброе пожелание) и *будь здоров* (пожелание здоровья).

Несоблюдение супружеской верности у целого ряда народов (в том числе, и у славян) является нарушением морально-этических норм, принятых в обществе. Например, фразеологизм *наставить рога* выступает в значении «изменить мужу». Внутренняя форма отражает миф времени жизни византийского императора Андроника Комнина, который разрешал охотиться в своем парке только тем мужчинам, жены которых состояли с ним в любовной связи. Тому, кто получал это право, на ворота дома прибывали рога оленя. Народ, потешаясь, украсил ими лоб мужа, делая его *рогоносцем*.

Фразеологизмы поведения *бить (ударить) во все колокола*, *бить (забить) в набат*, *бить (забить) тревогу*, *звонить (трезвонить) во все колокола* имеют своей основой мифологему «звон колокола отгоняет злых духов». В Европе ударами колокола охраняли посевы зерна от грозы, града, молнии. Фразеологизм *очертя голову* (не задумываясь о последствиях) в основе имеет миф, ставший ритуалом: отправляясь в дорогу, нужно было очертить голову кругом, тогда нечистая сила не сможет принести вреда путешественнику. Славяне также в период эпидемий, чтобы охранить себя от болезни, очерчивали плугом круг около своей деревни, отпугивая тем самым болезнь.

Фразеологизм *помянуть родителей* – это эвфемизм ругани, мата, в основе его лежит миф – мат тревожит умерших родителей. У древних славян мат был языческим заклинанием, заклятие [Успенский 1996: 2], теперь это оскорбление.

Фразеологизмы поведения *кривая вывезет* (первичное значение – «нечистая сила поможет») связана с мифом о кривизне, сгибании (гнутой). К фразеологизмам поведения можно отнести ФЕ с компонентом «смех»: *и смех, и грех, поднимать на смех* (рус.); *паміраць ад смеху, не на смех, надрываць жываты ад смеху, паехаць ад смеху* (бел.) и другие, которые кодируют в своей семантике миф о запрете на смех, ибо смеются только дьявол, смерть и прочая нечисть,

отсюда фразеологизм *дьявольский смех*. Запрет на смех встречается в славянском фольклоре – в тех русских сказках, где живой проникает в царство мертвых: сказки о Бабе-Яге, где героя предупреждают: «Придешь в избушку – не смейся!». Смеясь, мертвый выдает себя за живого [Пропп 1946: 181]. В мифах народов мира, в которых повествуется о проглоченных рыбами, смех, наоборот, имеет позитивное значение – это возврат к жизни.

Важный аспект поведения – речевое поведение. Уже в древности люди осознавали магичность и всемогущество слова. По данным М. Маковского, лексемы *слово, речь, говорить* по происхождению связаны с такими, как *храм, рок, гореть, красный, бить, резать, связывать, брать в плен, крутить* [Маковский 1988]. В Книге Притчей утверждается, что человек сам себя связывает словами: «Ты опутал себя словами уст твоих, пойман словами уст твоих» (Притч. 6 : 2).

Многие беды и несчастья представители русской народной культуры до сих пор объясняют напущением «злых слов». Считается, что магия и колдовство не действуют на безымянного человека, с этим связан сохранившийся до наших дней обычай скрывать свое имя от злых людей, скрывать место, куда идешь в данный момент. Чтобы путь был открытым и цель похода достигнута, на вопрос «Куда идешь?» лучше всего сказать: «На кудыкину гору». Если человек, на которого напущена порча, ведет праведный образ жизни, то через три дня «напущения» вселятся в любого человека с тем же именем [Никитина 1993: 23]. Осознание силы слова древними славянами привело к тому, что под влиянием мифологем сформировалась целая система вторичных значений у «слова»: а) слово – жидкость, отсюда – *переливать из пустого в порожнее*; б) слово – тень вещи, отсюда – *наводить тень на плетень*; в) слово – волшебная сила, способная трансформировать вещи, отсюда – *делать из мухи слона; з камара рабиць каня, з ветру вяроўку віць* (бел.) и другие.

Анализ данных и аналогичных ФЕ позволяет заключить, что поведение тесно связано с обычаями, традициями, ритуалами каждого народа. Все вышеприведенные примеры дают основание согласиться с высказыванием академика Ю.В. Бромлей о том, что «в любой человеческой группе поведение людей не есть прямая реакция на внешние стимулы, оно опосредовано культурой» [Бромлей 1973: 48], а первые шаги культуры – это миф и ритуал. Восприятие и понимание анализируемых фразеологизмов совершается теми путями, которые диктует культура.

Большая часть мифологических тем, мотивов и образов хорошо соотносится с интернациональным мифологическим фондом, имеет многоликие соответствия у разных народов. Так, белорусский миф о папороть-цветке аналогичен у русских нескольким мифологически-сказочным сюжетам, где героя отсылают к Морозко, Золотой рыбке и т.д.

С одной стороны, в восточнославянских языках тысячелетиями живут мифологемы, пришедшие через мировую культуру, они подчас проникают до самых корней бытия человека; с другой стороны, действительность рождает новые мифы и, соответственно, новые фразеологизмы, например, *в верхах, в верхнем эшелоне* (в значении «на уровне глав государств», «в руководстве»), *с высокой трибуны* (в значении «заявить нечто от лица, приближенного к власти»), *быть на высоте* (находиться на уровне соответствующих требований, обладать превосходством), глаголы *бомжевать, опустить* (жарг.) и др. В семантике этих фразеологизмов и глаголов нашли отражение старые, типичные схемы и

представления, архетипы и мифологемы (верх – низ), обогатившиеся в современном языке новыми оттенками и коннотациями: возникающий здесь образ «верха» с его привилегиями тянет за собой целый шлейф ассоциаций, среди которых есть и связанные с мифом; более поздние наслоения значений не вытесняют архаические, мифологические значения, а добавляются к ним, создавая многоуровневые системы; на них наслаивается оценка, возникает ирония и соответствующая эмоция. Названные компоненты, усиливая друг друга, делают данные выражения яркими, экспрессивными, способными оказать прагматический эффект на носителя языка. Они сильно воздействуют на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферы личности носителя языка и, говоря словами поэта и филолога В. Брюсова, выводят «душу из оцепенения понятийного мировосприятия».

Заключение

Мифология питает древо нашей духовности, она есть отблеск духовной жизни наших предков. Для выражения своего духа народ нуждается в особых символических опосредованных знаковых системах – языке, мифологии, искусстве, науке. Главным орудием постижения мира, конечно же, является язык, который аккумулирует в себе, закрепляет в своих знаках все проявления человеческого духа, важнейшим из которых является мифология.

Обращение к мифологии, отголоски которой находим во фразеологии, позволит реконструировать картину мира русского народа и прочесть давно забытые смыслы, пришедшие из мифологии и функционирующие как архетипы и культурные стереотипы, что проливает свет не только на мифологию, но позволяет по-новому описать многие факты языка.

Следовательно, мифы, сохранившихся во фразеологизмах, – ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа. Значение многих из фразеологизмов, несмотря на полное изменение современных смыслов, не просто восходит к мифам, но до сих пор сохраняет мифологические образы внутри себя и опирается на их семантику.

Литература

- Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. Москва: Наука, 1973. 284 с.
- Лобок А.М.* Антропология мифа. Москва: Банк культурной информации, 1997. 688 с.
- Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. Москва: Академический проект, 2008. 303 с.
- Лотман Ю.М.* Несколько мыслей о типологии культур // Язык культуры и проблема переводимости. Москва: «Наука», 1987. 256 с.
- Маковский М.М.* Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 73–95.
- Маслова В.А.* Преданья «старинны глубокой» в зеркале языка. Минск: Пейто, 1997. 128 с.
- Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. Москва: Наука, 1976. 403 с.
- Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. Москва: «Наука», 1993. 187 с.
- Потебня А.А.* Из записок по теории словесности // Потебня А.А. Теоретическая поэтика. Москва: Высшая школа, 1990. С. 132–313.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Москва: Лабиринт, 2000. 336 с.

Ставицкий А.В. Миф как образ факта и факт сознания // Миф в истории, политике, культуре: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. С. 31–36. [Электронный ресурс]. URL: <https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2022/02/01a.-Mif-sbornik-5-2021-v.pdf> (дата обращения: 10.08.2023).

Стеблин-Каменский М.И. Миф. Ленинград: Ленинградское отделение изд-ва «Наука», 1976. 104 с.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. Москва: Политиздат, 1989. 586 с.

Топоров В.Н. Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Москва: «Наука», 1990. 256 с.

Успенский Б. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. Москва: Ладомир, 1996. 409 с.

References

Bromlei Y.V. Ethnos and Ethnography. Moscow: Science Publ., 1973. 284 p. (In Russian).

Lobok A.M. Anthropology of Myth. Moscow: Bank of Cultural Information Publ., 1997. 688 p. (In Russian).

Losev A.F. Dialectics of Myth. Moscow: Academic Project Publ., 2008. 303 p. (In Russian).

Lotman Y.M. Several Thoughts on the Typology of Cultures // The Language of Culture and the Problem of Translatability. Moscow: Science Publ., 1987. 256 p. (In Russian).

Makovsky M.M. Language – Myth – Culture. Symbols of Life and Life of Symbols // Issues in Linguistics. 1997. No 1. Pp. 73-95. (In Russian).

Maslova V.A. Predania "Antiqua Profounda" v Mirrole Linguistica. Minsk: Peito Publ., 1997. 128 p. (In Russian).

Meletinsky E.M. Poetics of Myth. Moscow: Science Publ., 1976. 403 p. (In Russian).

Nikitina S.E. Oral Folk Culture and Linguistic Consciousness. Moscow: Science Publ., 1993. 187 p. (In Russian).

Potebnya A.A. From Notes on the Theory of Literature // Potebnya A.A. Theoretical Poetics. Moscow: High School Publ., 1990. Pp. 132–313. (In Russian).

Propp, V.Ya. Historical Roots of the Magic Fairy Tale. Moscow: Labyrinth Publ., 2000. 336 p. (In Russian).

Stavitsky A.V. Myth as an Image of Fact and Fact of Consciousness / Myth in History, Politics, Culture: Proceedings of the V International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2021, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitsky. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2021. Pp. 31–36. [Electronic resource]. URL: <https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2022/02/01a.-Mif-sbornik-5-2021-v.pdf> (date of reference: 10.08.2023). (In Russian).

Steblyn-Kamensky M.I. Myth. Leningrad: Leningrad Branch of the Publishing House Science Publ., 1976. 104 p. (In Russian).

Tylor E.B. Primitive Culture. Moscow: Political Publishing, 1989. 586 p. (In Russian).

Toporov V.N. Studies in the Field of Balto-Slavic Spiritual Culture. Moscow: Science Publ., 1990. 256 p. (In Russian).

Uspensky B. Mythological Aspect of Russian Expressive Phraseology // Anti-World of Russian Culture. Language. Folklore. Literature. Moscow: Ladamir Publ., 1996. 409 p. (In Russian).

Сведения об авторе:

Маслова Валентина Авраамовна

Профессор кафедры ДиНО учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, доктор филологических наук, профессор (г. Витебск, Республика Беларусь).

E-mail: mvavit@tut.by

Bionotes:

Maslova Valentina Avraamovna

Professor of the DiNO Department Educational Establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov", Doctor of Philology, Professor (Vitebsk, Republic of Belarus).

E-mail: mvavit@tut.by

Для цитирования:

Маслова В.А. Миф и язык в культурном пространстве народа // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1(5). 2023. С. 94–102.

For citation:

Maslova V.A. Myth and language in the cultural space of the people // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1(5). 2023. Pp. 94–102.